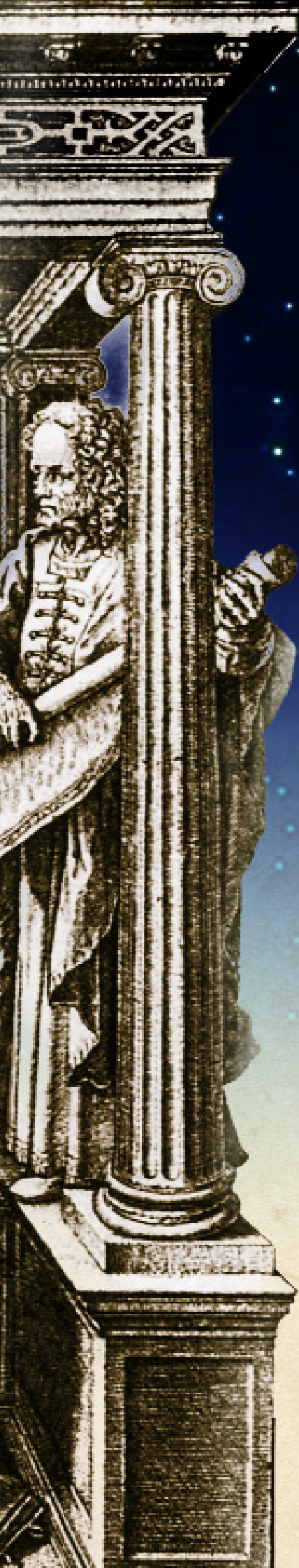

Творцы и мыслители

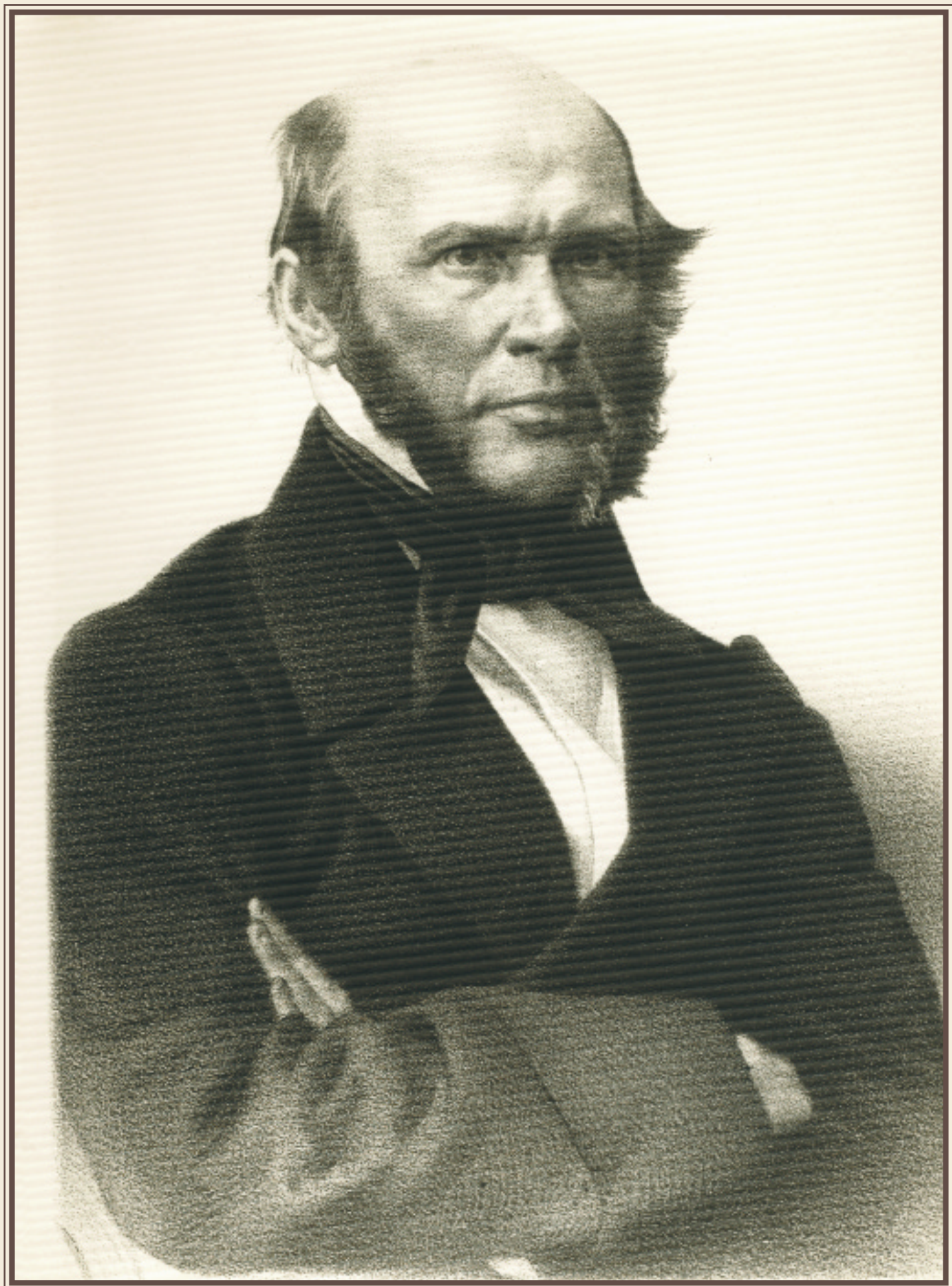
А.В. Шапошникова

ДНЕВНИК старого врача

Все разъясняется, все делается понятно — умею только хорошо обращаться с фактами, умею зорко наблюдать, изоощрять чувства, научись правильно наблюдать, тогда исчезнут перед тобой чудеса и мистерии природы и устройство вселенной делается таким же обыденным фактом, каким сделалось теперь для нас все то, что прежде считалось недоступным и сокровенным. Такое убеждение с каждым днем все более проникает в сознание не только передовых людей, жрецов науки, но и целых масс.

Н.И. Пирогов

После работы он обычно возвращался в свое имение. По мере удаления от города становилось все тише и тише, на землю спускались ранние сумерки, затем наступала темнота, и где-то там в стороне от дороги, где стояла деревня, зажигались неяркие огоньки и слышался собачий лай. Коляска въезжала в ворота усадьбы, старый слуга, помогая ему сойти, говорил свое привычное «Пожалуйста, барин, домой», — и открывал тяжелую дверь дома. Он входил в переднюю, полную знакомых запахов и каких-то неприметных шорохов, которых, если к ним не прислушаться, как бы и не было. Домашний скрип половиц сразу начинал действовать на него успокаивающе. Там, в беспокойном шумном городе, остались все его заботы, стоны больных, кровавые бинты оперируемых, хирургические инструменты, которые он ощущал каждый день своими пальцами как привычную часть своих рук, смешанный запах лекарств — он, хирург, вдыхал его так много, что временами даже не замечал. Все это он не впускал в свою уютную деревенскую усадьбу, стараясь здесь оградиться от всего того, что мешало ему думать и размышлять. Эти размышления с некоторых пор все больше и больше увлекали его. Они приносили ему ра-

Николай Иванович Пирогов, 1860-е гг. Иконотека Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

дость неожиданных открытий и тайных мыслей, которыми он не мог, а скорее не хотел делиться с остальными, даже близкими. Эти мысли обычно настигали его во время вечерних прогулок, удивляя его самого своей стройностью и скрытым в них смыслом. Они противоречили всему его образу жизни, его главному делу, в котором он достиг многого. Его имя в медицинских кругах было весомым и непоколебимым. Его авторитет хирурга и ученого был непревзойденным и прочным. Но ни то, ни другое не имело никакого отношения к его размышлениям во время тихих вечерних прогулок. Он всегда занимался серьезным делом спасения жизней людей и облегчал их страдания. И это дело он считал самым главным не только для себя. Философия или подобные ей так называемые науки его никогда не привлекали. И вот в самом конце жизни надо же было такому случиться...

После прогулок он записывал свои размышления в толстую тетрадь, которую тщательно скрывал от посторонних взглядов. Особенно интересные мысли у него появлялись, когда погода была ясной, а над дальним лесом и его домом зажигались бесчисленные и таинственные звезды. Он делал записи каждый день, пропуская лишь те дни, когда по каким-то причинам не мог отправиться на прогулку. Потом он озаглавит свои записи: «Вопросы жизни. Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой. 5 ноября 1879 — 22 октября 1881». Сам же автор дневника после своей последней записи прожил совсем немного — не более месяца и умер в том же 1881 году.

Сведения об авторе дневника можно найти в двух энциклопедических словарях — «Советском энциклопедическом словаре» (1988) и «Малом словаре» Брокгауза и Ефрона (1994). Если объединить информацию того и другого источника, получится небольшая справка, в которой окажется все существенное. Справка выглядит так. Николай Иванович Пирогов (1810 — 1881), русский хирург, основоположник военно-полевой хирургии и анатомо-экспериментального направления в хирургии, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1847). Участник обороны Севастополя (1854 — 1855), франко-прусской (1870 — 1871) и русско-турецкой войн.

Впервые произвел операцию под наркозом на поле боя. Кроме этого ввел неподвижную гипсовую повязку и разработал методику ряда важных хирургических операций. Ввел новые

методы анатомических исследований. Основал в Петербурге анатомический институт, а при нем музей. Им написаны многие тома научных работ в области медицины, среди которых и «Топографическая анатомия», получившая мировое признание. Пирогова называли «отцом русской хирургии». Он был также выдающимся общественным деятелем. Вел последовательную борьбу с сословными предрассудками в области образования, выступал за автономию университетов и всеобщее начальное образование. Кроме всего этого, он был человеком великого мужества, не менее великого самопожертвования и высочайшей скромности. По причине последнего качества и его дневник, «писанный исключительно для себя», так долго не находил своего читателя...

Во время своих прогулок-размышлений он испытывал нечто такое, что было для него новым, неожиданным и неповторимым. Он как бы отрывался от земли, от этого чернеющего вдали леса, от тропы, идущей по берегу прозрачной реки, и, наконец, от своего дома, стоявшего где-то там, за еле видневшейся оградой. И в этом состоянии он пытался заглянуть внутрь себя, но не туда, где находились его кровеносные сосуды, органы, клетки тканей и все остальное, с чем он был знаком давно как врач и исследователь плотно-материальной оболочки человека. Он чувствовал и хорошо понимал, что внутри его, кроме всего этого, есть пространство совсем другого свойства, которое нельзя ни увидеть, ни прикоснуться к нему скальпелем. В этом пространстве жила тайна, Высшая тайна его бытия. Он ощутил это пространство в самом конце своей жизни и стремился понять его предназначение и свое место в нем. Он представлял себе достаточно четко, что нечто, существовавшее в его невидимом внутреннем мире, было, как ни странно, связано с чем-то высоким, охватывающим все Мироздание и эту сверкавшую над ним звездную Вселенную. Поначалу он никак не мог поверить в соотносимость того и другого. Но постепенно в нем возникало убеждение в такой соизмеримости, и тогда его мысли текли легко и свободно, наполняясь иным, чем раньше, содержанием, неся еще неведомую ему информацию. «Я представляю себе, — записывал он, — нет, это не представление, а греза, — и вот мне грезится беспредельный, непрерывно зыблющийся и текущий океан жизни, бесформенный, вмещающий в себя всю вселенную, проникающий все ее атомы, непрерывно группирующий их, разметающий их сочетания и агрегаты и при-

способляющий их к различным целям бытия.

К какому бы разряду моих ограничений я ни отнес этот источник ощущения и ощущающего себя бытия — к разряду ли сил, или бесконечно утонченного вещества, — он для меня все-таки представляет нечто независимое и отличное от той материи, которая известна нам по своим чувственным (подлежащим чувственному исследованию) свойствам¹.

Он все жизнь резал и спасал эту материю, не подозревая ни о чем существующем кроме нее. Он не был религиозным человеком, рационализм всегда возобладал в его мыслях и действиях. И вот теперь ему открылось нечто, что как ученый и врач объяснить он не мог.

Открылась умопостигаемая в глубинах Космоса материя иного, более высокого состояния, и он назвал ее «бесконечно утонченное вещество». Тогда, в конце XIX века экспериментальная наука ни о чем подобном не знала. Он не мог ни объяснить, ни сформулировать тот метод, которым он постиг неведомую для него тайну иного состояния материи. Обо всем этом будет сказано и написано уже в другом веке, до которого он не доживет. Но это «бесконечно утонченное вещество» станет главным сюжетом его размышлений на вечерних прогулках. Привыкший чувственно ощущать плотную земную материю, он тем не менее не сомневался в существовании ее другого вида, хотя и не называл его материей. Для этого у него не хватало подлинно научной информации. Будучи ортодоксальным последователем экспериментальной науки, он не мог отнести то, что интуитивно чувствовал в себе, к ее пространству. Это было что-то иное, как бы вне пределов этой науки, не поддававшееся эксперименту, которым он привык проверять истинность того или иного явления. От этого в нем возникал разлад, который и заставлял его тщательно скрывать эти тревожащие, но теперь уже неизбежные мысли. А они разрастались и начинали жить своей, независимой от него жизнью. Они как бы постепенно, порой даже незаметно подводили его к идее одушевленного Космоса. И однажды он записал в дневнике: «Если наш ум не может не найти целесообразности в проявлениях жизни и творчества различных типов по определенным формам, то этот же ум не может не видеть самого себя, т.е. видеть разумное, и вот наш ум по необходимости должен принять беспредельный и вечный ра-

зум, управляющий океаном жизни»². И он уже не отрицал мысль о том, что его индивидуальный разум может быть тесным образом связан с этим вселенским непостижимым разумом. Он шел от ступени к ступени какой-то гигантской невидимой лестницы, начиная — чем-то нематериальным в нем самом — понимать, что мысли, пришедшие ему в голову, столь же истинны, как и результаты чистого эксперимента. Он столкнулся с каким-то иным, неведомым ему методом исследования, где он сам, врач Пирогов, играл странную и неожиданную роль своеобразного инструмента этого исследования. И это было так ощутимо и убедительно, что спустя некоторое время он перестал сомневаться в этом инструменте и только жалел о том, что подобные мысли не пришли к нему раньше, в расцвете его научной работы.

«...Ум мой не мог не усмотреть, что главные его проявления — мышление и творчество, согласны с законами целесообразности и причинности, ясно обнаруживаются и во всей Мировой жизни без участия мозговой мякоти». И далее: «Вот это-то открытие собственным мозговым мышлением мышления Мирового, общего и согласного с его законами причинности и целесообразности творчества вселенной, и есть то, почему ум мой не мог остановиться на атомах, ощущающих, сознающих себя, мыслящих и действующих только посредством себя же, без участия другого, высшего начала сознания и мысли»³.

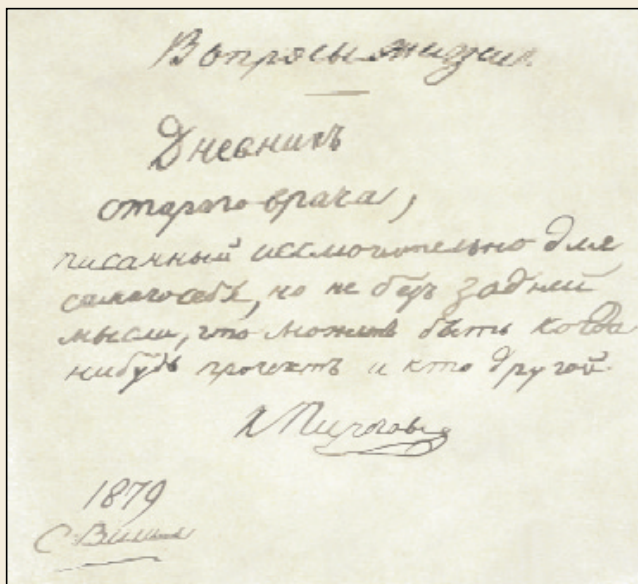
Таким образом, старый врач, как он себя называл, пришел к идее существования в Космосе или Вселенной «высшего начала сознания и мысли», к идее, которая потом станет одной из основных в новом мышлении Космического мироощущения.

Он понимал теперь, что есть мысль Высшая и мысль его, врача Пирогова, которая казалась принадлежащей ему самому. Как они взаимодействуют между собой? Он уже знал, что существует мысль в пространстве «без мозговой мякоти», но как она влияет на материю, которую нельзя сбросить со счетов? И откуда-то из глубины его же существа на вопросы, им поставленные, приходили ответы. Этот странный механизм увлекал его, затягивал и теперь составлял самое главное в его вечерних размышлениях. Ему оставалось проверить их доступной ему логикой и записать.

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. М., 1962. С. 86.

² Там же.

³ Там же. С. 87.

Дневник Н. И. Пирогова.
Титульная страница рукописи

«Цель и мысль, пойманные, так сказать, в сети материала, на полотне в красках живописца, в мрамор зодчего, на бумагу в условные знаки и слова поэта, живут потом целые века своей жизнью, заставляя и полотно, и мрамор, и бумагу сообщать из рода в род содержимое в них творчество. Мысль, проникая в грубый материал, делает его своим органом, способным рождать и развивать новые мысли в зрителях и читателях.

Если это неоспоримый факт, то для меня не менее неоспоримо и то, что высшая мировая мысль, избравшая своим органом вселенную, проникая и группируя атомы в известную форму, сделала и мой мозг органом мышления. Действительно, его ни с чем нельзя лучше сравнить, как с музыкальным органом, струны и клавиши которого приводятся в постоянное колебание извне, а кто-то, ощущая их, присматриваясь, прислушиваясь к ним, сам приводя и клавиши и струны в движение, составляет из этих колебаний гармоническое целое. Этот кто-то, приводя мой орган в унисон с мировой гармонией, делается моим я; тогда законы целесообразности и причинности действий мировой идеи делаются и законами моего я, и обретаю их в самом себе и из себя в природу»⁴.

Этот удивительный фрагмент как бы представляет собой целую концепцию того, как проявляет себя мировая мысль в материи и как она творит в ней, закладывая в материальную субстанцию свои идеи, которые, развиваясь, дают

определенный эволюционный импульс тому материальному пространству, где действует эта высшая мысль. Проблема мышления и природы самой мысли потом, в XX веке, будет занимать умы философов, ученых и художников, но так четко сформулировать творческий процесс высокой мысли им удастся не сразу.

«И в меня, — записал Пирогов в своем дневнике, — невольно вселяется убеждение, что мозг мой и весь я сам есть только орган мысли мировой жизни, как картины, статуи, здания суть органы и хранилища мысли художника»⁵. Это ощущение не покидало его до самой смерти. Он как бы постиг своим сознанием главную суть космического мыслетворчества и почти физически осязал ту гармонию, которая каждый раз возникала между его мыслями и той пространственной Высшей Мыслью, когда он начал во время прогулки задавать кому-то неведомому и невидимому свои вопросы.

«Для вещественного проявления мировой мысли и понадобился прибор, составленный по определенному плану из группированных известным образом атомов, — это мой организм, а мировое сознание сделалось моим индивидуальным посредством особенного механизма, заключающегося в нервных клетках. Как это делалось — конечно, ни я, ни кто другой не знаем. Но то для меня несомненно, что сознание мое, моя мысль и присущее моему уму стремление к отысканию целей и причин не могут быть чем-то отрывочным, единичным, не имеющим связи с мировой жизнью, и чем-то законченным и заканчивающим мироздание, т.е. не имеющим ничего выше себя»⁶.

В тот вечер, когда он записал эти слова, он еще раз остро почувствовал свою связь и даже, можно сказать, единство с тем высоким, неопостижимым, что таилось и действовало там, в звездной беспредельности вселенной. В грядущем веке это назовут космическим мироощущением, но старый врач тогда еще не знал этих слов.

«Где орган мышления для мировой мысли? Где ее проявления без мозговой мысли? — спрашивал он. — В том-то и дело, — отвечу на это, — что то же самое чувство, которое убеждает нас в нашем бытии, неразлучно с этим убеждением и вселяет в нас и другое — о существовании мира, т.е. о проявлениях мировой мысли. И тот же самый ум, который убеждается в целесообразности

⁴ Пирогов Н. И. Собрание сочинений. Т. VIII. 87—88.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Там же. С. 88—89.

Кабинет Н.И. Пирогова в его имени в селе Вишня Винницкой области

наших жизненных функций, видит и целесообразность в бытии других мировых функций; другими словами, наш же собственный ум, как бы он настроен (эмпиризмом или идеализмом) ни был, не может не заметить присутствия мысли вне себя, точно так же, как не может не убедиться в присутствии вещества в нашем организме и вне его»⁷. И далее: «Мозговой ум наш и находит себя, т.е. свойственные ему стремления к целесообразности и творчеству, вне себя только потому, что он сам есть не что иное, как проявление высшего мирового ума»⁸.

Он пришел к выводу, что Мирозданием правит его основная творческая сила — Мировой Разум, и его главное проявление — Мировая Мысль. Убеждение человека в том, что его мозг рождает его собственные мысли, он считал, после долгих своих размышлений, иллюзией и заблуждением. Он единым умственным взглядом окинул всю вселенную и процессы, идущие в ней, и проник в ее главную тайну — связь индивидуальных функций человека со всем, что происходило в этой вселенной — чтобы понять источник и мировой мысли, и источник его собственных мыслей. К счастью, он обладал тем мужеством мышления, которое дало ему возможность не дрогнуть и не отступить перед сделан-

ными выводами, как, возможно, это случалось не однажды с профессиональными философами его века.

«Не потому ли ум наш, — записывал он, — и находит себя, т.е. мысль и целесообразное творчество, вне себя, что он сам есть проявление того же самого высшего, мирового, жизненного начала, которое присутствует и проявляется во всей вселенной. Мировая Мысль, присущая этому началу, совпадает, так сказать, с нашей мозговой мыслью, служащей ее проявлением, и потому те же стремления и сходные атрибуты находим мы в той и другой. Совпадение свидетельствует об одном и том же источнике, но различие неизмеримо велико, несравненно более велико, чем мы, например, полагаем между особью и родом или племенем. Наша мысль есть действительно только индивидуальная, и именно потому, что она — мозговая, органическая. Другая же мысль, проявляющаяся в жизненном начале всей вселенной, именно потому, что она мировая, и не может быть органической. А наш хотя и общечеловеческий, но, в сущности, все-таки индивидуальный ум, — и именно по причине своей индивидуальности, а следовательно, органичности и ограниченности, и не может возвыситься до понимания тех выс-

⁷ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 90.

⁸ Там же. С. 92.

Дом Н.И. Пирогова в селе Вишня. Выход на аллею

ших целей творчества, которые присущи только уму неорганическому и неограниченному — мировому»⁹. Тем не менее ум старого врача дошел до понимания того, что он изложил в своем дневнике. Ибо этот ум и сознание были много выше ординарных умов не только страны, но и планеты, и были призваны выполнить свою определенную миссию — заложить в фундамент нового космического мышления те краеугольные камни, на которых воздвигнется потом прекрасное здание космического мироощущения. Пирогов был одним из тех немногих, кто почувствовал неизбежность подобного мышления и смело пошел ему навстречу. Мысль о единстве Мироздания, прозвучавшая в его дневнике, была одной из важнейших, если не самой главной для наступающего нового мышления. Она совместилась в дневнике с другой, не менее важной мыслью — об определенной ограниченности плотной материи физического мира, которая, с одной стороны, могла взаимодействовать с высшими структурами Космоса, а с другой, в силу своей ограниченности, не достигала еще того уровня, который ей предлагали Мировой разум и Мировая мысль, материя которых была совсем другой, резко отличной от плотной. Он не мог определить эту неведомую ему материю, ибо всю свою жизнь имел дело с

плотной, органической материей. Он смог только почувствовать разницу между той и другой и, таким образом, открыть дорогу к последующим изысканиям.

В этих своих размышлениях он пришел к понятию беспредельности, в таинственных процессах которой были задействованы такие явления, как жизнь, сила, время, пространство, вещество. Иными словами — все то, что потом, в следующем веке, привлечет пристальное внимание крупнейших ученых, которые почувствуют неизбежность космического мироощущения. Они пойдут в изучении этих явлений от Земли, от плотной материи, которая долгое время была главным объектом научных исследований — от низа к верху. Он же в своих озарениях предложил иной путь, более отвечающий реальности — с верху к низу. Ибо интуитивно ощущал, что причина всех перечисленных явлений существует именно наверху, в том таинственном пространстве, материю которого он никак не мог определить. Именно там, в беспредельности, находились все «начала» — жизни, вещества, силы, времени, пространства. Интуиция его так высоко поднялась, а сознание, расширившись, перешло на ту ступень, когда знания его уже возникали как озарения, напоминавшие зарницы на темном вечернем небе.

⁹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 97.

И озарения и зарницы были светом. Свет зарниц ему был понятен. В озарениях же содержался свет иной, несший другие особенности и постижения. Жизнь — кто, как не он, врач, хирург, видевший смерть на поле брани и на операционном столе, мог рассказать о ней. Тогда ему казалось, что начало и конец жизни находятся в его руках, и он не задумывался над тем, что такое жизнь другая, не органическая, появившаяся природным естественным путем и таким же путем уходящая.

«И вот мне кажется, — записал он в своем дневнике, — что в моем понятии жизненное начало ни с чем не может быть так сравнено, как со светом. <...> Колебания светового эфира, чего-то непохожего на вещество, способного проникать через вещества, непроницаемые для всякой другой материи, и вместе с тем сообщающего им новые свойства, мне кажутся подходящими для сравнения с действием жизненного начала»¹⁰.

Это была гениальная догадка, как могли бы сказать век спустя. Жизненное начало, подобно свету пронизывающее все вещество. Особый свет, не похожий на земной. И он вспомнил Библию, к которой относился скептически, считая ее мифом. Он читал ее только в детстве. Полученное в детстве запоминается на всю жизнь. «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1,1), «И сказал Бог: да будет свет — и стал свет» (Быт. 1,3). Тот свет, в котором и содержалось жизненное начало, с чего зародился мир. Или, вернее, — проявление мира или космическое его сотворение. Тогда он понял, что жизнь есть космическое явление. Органическая жизнь земли лишь следствие этого явления. В какой-то момент размышлений врач и материалист взял верх над его мыслями. А если его дневник кто-то прочтет, что он о нем, знаменитом Пирогове, подумает или скажет? Но это был лишь краткий момент колебаний. На смену ему пришла твердость убеждения, не требовавшая даже подтверждения экспериментом. Он понимал, что там, откуда приходили к нему мысли, эксперименты были не нужны. Но откуда шло знание, как и в случае с экспериментом. Он, старый врач, не экспериментом, а убеждением своим подтверждал это знание. «Бессмысленным называется то, что противоречит нашим убеждениям, — именно убеждениям, а не

знаниям, ибо убеждения влияют на нас сильнее знания»¹¹. Но основа этих убеждений — разная. Есть в ней преходящее и непреходящее. Он столкнулся с непреходящей, вечной основой. «Если смысл наш — зависим от наших современных убеждений, а они в свою очередь преходящи и не всегда по своей силе и упорству соответствуют нашим знаниям, то ни одна господствующая доктрина, ни одно умственное направление не должны смотреть свысока на другие, или противоречащие, доктрины и направления, а умы беспристрастные, не увлекающиеся и не доверчивые, не должны пугаться насмешек, резких кличек и обвинений в отсталости, нерациональности и бессмыслии»¹². К последним он относил себя. «Так ли, иначе ли, — выводил он твердой рукой хирурга, — развилась животная жизнь на земле, принцип целесообразности в творчестве от этого ничего не теряет и присутствие мировой мысли и жизненного начала во вселенной не сделается сомнительным»¹³. И еще: «Если нам суждено в наших мировоззрениях подвергаться постоянным иллюзиям, то моя иллюзия, по крайней мере, утешительна. Она мне представляет вселенную разумной и действительностью действующих в ней сил целесообразной и осмысленной, а мое я — не продуктом химических и гистологических элементов, а олицетворением общего, вселенского разума, который я представляю себе свободно действующим по тем же законам, которые начертаны им и для моего разума, но не стесненным нашей человечески сознательной индивидуальностью»¹⁴. Итак, у великого К.Э. Циолковского, ученого и философа, был предшественник, который так же космично воспринимал Мироздание, как и его более поздний единомышленник. Может быть, была какая-то связь между тем и другим, или Циолковский каким-то невероятным способом прочел дневник Пирогова, «писанный исключительно для самого себя»? Вряд ли. Ибо подобные мысли Циолковский изложил почти 50 лет спустя после того, как врач Пирогов писал свой дневник. Скорее, речь может пойти об общем источнике знаний, которым воспользовался и тот и другой. И, конечно, Николай Иванович Пирогов никогда не мог и подумать, что опередил на несколько десятков лет одного из основателей нового, космического мышления XX века.

¹⁰ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 99.

¹¹ Там же. С. 100.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Там же. С. 121.

¹⁴ Там же.

Пирогов в своей деревенской глуши написал еще немало интересного. Он указал на необходимость расширенного сознания; не имея представления о Великом космическом законе причинно-следственных связей, он тем не менее сформулировал его основной смысл.

«Видя на каждом шагу связь между действиями и причинами, отыскивая по бессознательному (невольному) требованию рассудка везде причину, где есть действие, мы неминуемо, роковым образом, приходим к заключению, что между действиями и всеми причинами существует неразрывная, вечная связь.

При таком взгляде случай будет не более как действие, причина или причины которого нам неизвестны, а для многих событий, можно утверждать а priori, и никогда не будут известны. Это почему? А потому, что стечение обстоятельств в одну бьющую точку — случай — бывает до того сложно, что для определения его понадобилось бы невозможное знание всего прошлого и настоящего»¹⁵. И в завершение: «Я — за предопределение. По-моему, все, что случается, должно было случиться и не быть не могло»¹⁶. На этом можно было бы и остановиться. Ведь все, что записал «отец хирургии» в своем дневнике, потом найдет свое отражение в XX и даже в XXI веке в новом космическом мышлении, ибо этот дневник старого врача был тесно связан с теми эволюционными процессами, которые происходили в преддверии нового века, а затем и нового тысячелетия. Эволюция предопределила те процессы и энергетические тенденции, которые были необходимы для этого времени. Николай Иванович Пирогов, если можно так сказать, попал в этот эволюционный поток. И через него пошла волна в следующий век, формируя новое мышление. Естественно, может возникнуть вопрос — почему именно через него, а не кого-то другого, третьего и т.д. Космическая эволюция в своих действиях крайне избирательна и делает свой точный выбор, связанный с ее целями и качествами ее избранника. Мужество и самопожертвование, любовь к людям, ясный ум и талант исследователя, высокая нравственность интеллигента, равнодушные к земным благам и почету — уже этого одного хватило бы, чтобы такой выбор пал на этого человека. Но вместе с этим он прошел такую школу в своей профессиональной жизни, которая и не снилась многим его коллегам. Непосредственное участие в трех войнах, опера-

ции под огнем противника, сотни раненых, тысячи убитых. В нем счастливо сочетался искусный врач-практик и большой ученый. Подтверждением этого служат многие спасенные им жизни и многотомное собрание его научных трудов. Именно такая жизнь, как ни странно, подготовила его к восприятию высокой мысли об универсальной роли Космоса в жизни человека, о его единстве с этим Космосом, о влиянии на него Высших миров и необходимости сотрудничества человека с этими мирами. Обычный средний хирург, занимаясь своим делом, не имел никакого отношения к высокой мысли Космоса. И, поистине, надо было быть таким талантливым, широко мыслящим ученым, каким являлся Николай Иванович Пирогов, чтобы интуитивно ощутить за знакомой ему во всех тонкостях плотной материей человеческого тела что-то невидимое и значительное, связанное с Высшим и в то же время имеющее прямое отношение к этой плотной материи. И не только имеющее отношение, но и определяющее закономерности ее развития и ее судьбу. Ощущение, что за этой плотной материей стояло все богатство и разнообразие Космоса, и зародило в нем самом то чувство, которое мы можем назвать космическим мироощущением, свойственным уже следующему веку.

Да, он был ученым по своему призванию и занятиям, являясь авторитетом для многих в научных кругах. Его экспериментальная база всегда была безупречна. Возможно, именно поэтому он крайне удивился тому, что знание может приходиться из какого-то другого, вненаучного источника, но быть таким же истинным, как и полученное экспериментальным путем.

Когда удивление прошло, он обнаружил одну важную закономерность этого знания, полученного вненаучным путем. Оно, по еще не известным Пирогову таинственным причинам, опережало знание, подкрепленное экспериментом. К сожалению, его дневник есть единственный памятник его философской мысли. И поэтому сейчас крайне трудно решить, дошел ли он до мысли, что опережающее вненаучное знание вело за собой эмпирическую науку и влияло на ее развитие много больше, чем могли предположить ученые, носители такой науки.

Мысли, шедшие из пространства миров иного состояния материи, несли идеи, которые в определенной степени направляли развитие эм-

¹⁵ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 167—168.

¹⁶ Там же. С. 170.

Имение Н.И. Пирогова. Липовая аллея

пирической науки и составляли первичную материю этой самой науки.

Будучи человеком мужественным и непревзятым, он размышлял о необходимости синтеза научных и вненаучных способов познания, который принесет несомненно плодотворный результат. Знание есть знание, откуда бы оно ни пришло, каким бы путем ни появилось. Он был убежден, что «отвергать одно потому, что мы убеждены в несомненности другого, — дело опасное»¹⁷. В нем самом, подчиняясь законам космической эволюции, уже жил тот неведомый синтез, в котором в каком-то новом качестве сопрягались в гармонии научный и так называемый вненаучный способы познания.

Этот синтез и собственное расширенное сознание сделали «отца русской хирургии» одним из тех, кто стал предтечей нового космического мироощущения. Но эволюция всегда обеспечивает продвижение своих идей и целей через целые группы воспринимающих эти идеи.

XX век был особенно богат такими индивидуальностями, главной опоры нового мышления в самых разных областях культуры и науки.

На смену Николаю Ивановичу Пирогову уже шла целая плеяда ученых, мыслителей, художников, которые несли в себе различные способы познания, необходимые для формирования нового синтетического мышления. Когда он умер, Павлу Александровичу Флоренскому был 1 год, Елене Ивановне Рерих — 2 года, Николаю Константиновичу — 7 лет, Владимиру Ивановичу Вернадскому — 18 лет, Константину Эдуардовичу Циолковскому — 24 года, Александр Леонидович Чижевский родится 16 лет спустя после его смерти. Все они пришли в этот мир в XIX веке, и Николай Иванович Пирогов был самым старшим среди них. Он опередил их и по возрасту, и по знаниям. Ему не удалось передать эти знания им напрямую, но это уже не важно. Ибо знания пришедших позже напитывались из того же источника, которым пользовался и старый врач.

Я хочу закончить этот очерк цитатой из того же дневника, которая свидетельствует о том, что загробный мир понимался Пироговым по-другому, нежели в христианской религии. Он сделал свою первую попытку объяснить его научно, вложив в это объяснение все свои знания, обретенные им во время вечерних прогулок. Речь шла о научной истине. «Истину узнаем только за гробом; там узнаем, соответствовала ли наша жизнь ее истинной цели. Органические страсти с их увлечениями и чувственность вещественного бытия, перестав существовать, дадут возможность нам стать к истине лицом к лицу; это не то что стоять лицом к лицу с нашей совестью здесь, живя вещественно: там придется иметь дело с самой истиной, которой мы так добиваемся здесь и вместе с тем стараемся ее избежать»¹⁸.

Николай Иванович, размышляя таким образом, сделал попытку понять, как отличаются друг от друга восприятия в мире плотной материи от восприятия в мире тонком. Это один из важнейших и трудных вопросов в пространстве космического мироощущения. Он сумел интуитивно почувствовать эту разницу и понять главное — в мире плотном нет возможности установить непреходящую истину. Это можно сделать лишь в тонком мире, где эманация плотной материи, обычно затрудняющая познание, отсутствует. А если это так, то совершенное постижение истины как таковой, без знаний, идущих из миров иных, более высоких состояний материи, не может состояться. Оно не может состояться и в том случае, если мы не примем к сведению опережающего характера знаний, идущих к нам из глубин космической Беспредельности. Иметь мужество посмотреть истине в лицо дано не каждому. Великому русскому хирургу Николаю Ивановичу Пирогову это удалось, о чем свидетельствует его уникальный дневник, «писанный исключительно для самого себя». Теперь настало время прочесть его и по достоинству оценить.

¹⁷ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 182.

¹⁸ Там же. С. 183.